СОФИЯ ПРЕГЕЛЬ

БЕРЕГА

НОВОСЕЛЬЕ
ПАРИЖ

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

РАЗГОВОР С ПАМЯТЬЮ. Первая книга стихов.
СОЛНЕЧНЫЙ ПРОИЗВОЛ. Вторая книга стихов.
ПОЛДЕНЬ. Третья книга стихов.

СОФИЯ ПРЕГЕЛЬ

БЕРЕГА

ЧЕТВЕРТАЯ
КНИГА СТИХОВ

НОВОСЕЛЬЕ
ПАРИЖ
1953

Сирень в туманном полусне,
Дрожа, рекой пунцовой хлынет,
И по источенной стене
Вдруг побежит струя глициний.

Холмов откроется гряда,
В веках всегда одна и та же,
И солнца бледный слиток ляжет
В прохладу синего пруда.

И кипарис успет в строю,
И розу ветер приневолит,
И чем-то белый дождь магнолий
Напомнит молодость мою —

Года сомнений и утрат,
И воздух сумерек влюбленный,
И камыши, в воде бездонной
Качавшиеся до утра.

Там продолжал фонтан звенеть
В молчаньи площади умытой,
И так же цокали копыта
В незавершенной тишине.

ПОЛОВОДЬЕ

Острова догоняя зеленые
Вьюжным голосом ветер ревет,
И вздымает вода утомленная
Задыхающийся пароход.

Ты сердитой струей ударь его,
Половодье, в жесткой игре.
Как весною заката зарево
Полыхает в буром Днепре!

Как сияет светило кровавое
В золотой, шальной глубине!
Как бездомное дерево плавает,
Разметавшись на темной волне!

Дождик осенний, поддакивай
Сердцу среди тишины:
Радости все одинаковы,
Все предопределены.

Длинные сумерки велены,
Звездные ночи ясны,
Плесенью осени зелены,
Травами весны полны.

И, как мечту ни обманывай,
Голову кружит не зря
От голубого, желанного,
От паутинного, пьяного
Воздуха октября!

СТРАНА МОЯ

Трубы парохода
повели беседу,
Искры, догорая,
умчались в пустоту.
«Мама, посмотри,
опять деревья едут»,
Девочка пугливо
шептала на борту.

И, вправду, берега
бежали неустанно,
На нас виноградники
струилися с высот,
И нивы, и луга,
и светлые баштаны
Вбирал обезумевший
речной водоворот.

Смеялись кочегары
в пылающем застенке,
И кашель капитана
на версты был знаком,
А розовое солнце
платок переселенки
И тучи дождевые
вязало узелком.

Страна моя, страна,
Глаза твои орлиные,
То гром и глубина,
То тихое жилье...
Глаза твои орлиные,
А сердце голубиное,
Равнинное,
Стремнинное
Сердце твое!

БАХЧИСАРАЙ

Возникают, пронзительно точны,
Очертанья стены и стола,
Вот кофейня, где чаем цветочным
Нас поил узкоглазый мулла.

Капли падали в чашу фонтана,
Одинаковой негой полны,
И работа была — неустанно
Наполнять, наполнять кувшины.

Там колеса арбе отвечали,
Прятал нищий худую суму,
А хозяйки вдогонку кричали,
Сто болячек желали ему.

И на площади камни, сгорая,
Не пытались огонь потушить,
И пылало от края до края:
Нет прекраснее Бахчисарая
В этой солнцем спаленной глуши.

Улыбался мальчик в отрепьях,
И старух смеялись клыки,
Мы опять проехали степи
И пустые солончаки.

С виноградом сошли в долину,
Где садов медвяная тьма,
Где на площади топчет глину
Огневая лань-хайтарма.

Музыкант подпевал, и трубный
Голос выплыл из глубины,
И, взлетая, завыли бубны,
Диким зноем обожжены.

И безумьем лучей поборот
Кипарис умирал во мгле...
Мы проехали мертвый город,
Город мертвых, Чуфут-Кале.

НА ДНЕПРЕ

Берега на отлете кудрявы,
А вода зеленей серебра
У обрывистых стен Береслава,
В самом сердце крутого Днепра.

Нищей родины великолепье,
Как теченье медлительный звон,
Новороссии гулкие степи
И помятый в пути балахон.

Беспокойному чувству не так-то
Помнить просто жужжанье колес,
Эту бричку по пыльному тракту,
По дорогам летящий овес,

И деревню под мелкой росою,
И околицу, и водопой,
И апрельское утро косое,
И таинственный ливень слепой.

В надоедливом смехе грачевом,
Как спокойно вошла, не дыша,
Удивляя платком кумачевым,
Накрахмаленным ситцем шурша.

Грело солнце весеннее яро,
Топот ярмарки в ветре затих,
Было ль, не было крепче загара
И милее веснушек твоих?

Мне увидеть тебя довелося,
Всю задумчивость, всю тишину,
И прошедшего голос несносен,
Я до поздней зари не усну, —

Через двадцать мучительных весен
Уходя в голубую весну.

НИКОЛАЕВ

В городе, напитанном досугом,
В плаванье последнее готовиться
Им нестрашно было. Ветер с юга
Пел над пышным и тенистым Бугом,
Над звездою ягоды-шелковицы.

В бледных ставнях солнце догорало,
Тонкий месяц выходил с опаскою...
Отставные жили адмиралы
В улицах подстриженных и ласковых.

Над кустами, над мохнатой веткой
Разлилось вечернее тепло.
Влажный ветер вздрагивает редко.
Облако, как черная наседка,
Собирает звезды под крыло.

И они, свершив замысловатый
Путь далекий в холоде густом,
Нежностью задумчивой объяты,
Тихо, как пугливые цыплята,
Исчезают в мраке золотом.

МАТЬ

Снились воды рек ее синие,
Глубина под ветхим мостом,
И осины в солнечном инее
На осеннем небе пустом,

Одеяло детства лоскутное,
И слепая тень в головах,
И слова, как ветер попутные,
Заклинающие слова.

В беспокойном зареве пушечном
И в снегу угрюмых лощин
Снилась ты, с улыбкой старушечьей,
Вся в лучах бездонных морщин.

Ты во тьму брела, одинокая,
И шаги скрипели едва,
Пахли домом кофты широкие
Полинявшие рукава.

Ты мелькала робкая, светлая
Средь побитых градом полей,
Застывая, в бурях, под ветлами
На чужой и страшной земле.

Когда пар кровавыми клочьями
Уплывал в померкший восток,
Ты сжимала в пальцах источенных
Затверделый, мокрый платок.

Станционный сумрак накрапывал
И огни тушил, уходя.
На пальто заношенном, драповом
Утихали капли дождя.

Помутнели грузные здания,
Семафор прощальный погас,
Но струился свет ожидания
Из припухших, узеньких глаз.

И за темной вечера чащею,
Где скитаний искрится дым,
Мы тебя узнали, дрожащую
Под вокзальным сводом седым.

ПРАЗДНИКИ

1

Палка вожатого, посох ли странника,
Жезл о скалу зазвенел и затих.
Ломки остатки миндального пряника
В чопорной скатерти складках крутых.

Так на мгновение сон прерывается,
И на мгновение, так суждено,
Вижу, как в сморщенной рюмке качается
Кровью окрашенное вино.

2

Частые вздохи, шептанья несмелые,
Стынут слова в неживой бороде,
И отражаются пышные, белые
Люстры в цилиндра глубокой воде.

Праздники, тайная горечь осенняя,
Под потолком потерявшийся звук,
Струи атласные, стройное пение...
Праздники, праздники, прикосновения
Добрых и благословляющих рук.

В выси течет беспредельная,
Суровая тишина,
Стучит в окно корабельное
Затерянная волна.

Лучи кружат одинаково,
Пронзая тонущий лед,
За отмелью над Очаковом
Морское утро встает.

Судьбою здесь мне завещаны:
Кольцо в игре потолка,
Графины тусклые в трещинах,
Стакан в свинцовых тисках,

И эти чайки сердитые
На паруса обшлагах,
И шлангом зари омытые,
Высокие, именитые,
Большой земли берега.

Словно рябина
рассыпала бусы я,
Круглые бусы
рассыпала алые.
Самые русские,
самые русые,
Вас на дорогах
пустых потеряла я.

Синие ласточки,
спрятаны хмарою,
Стали земле вы
нетрудною ношею.
Это над вами
прошамкала старая:
Спите, желанные,
спите, хорошие.

Пушки проходят
дорогой запыленной,
Смято прожектором
облако рваное,
Но самолетов
полночные филины
Вас не нагонят
порою туманною,

И не разбудит
лучей целование,
Шорох винтовки,
иль пламя короткое.
Закоченевши
в немом ожидании,
Тихо лежите,
льняные и кроткие.

Стонет заря
золотой трясогузкою,
Вечер поет вам
слова запоздалые,
Смерть открывает
объятия узкие:
Самые русые,
самые русские,
Вас на дорогах
земных отыскала я.

СТИХИ О ЛЕРМОНТОВЕ

Все кончилось: желтеющее лето,
И нивы, темносиние в ночи,
У грозного, чугунного лафета
В мундирах боевые усачи,

И ветра плеск и буйный голос вражий,
Огни орудий, звезд небесных рать,
И ты одна, одна над бедной пряжей,
Обманутая, горестная мать.

О, брови удивленные, собольи,
О, женский вздох, о, стук веретена...
Знакомая до бесконечной боли,
Желанная, любимая страна.

Там сосны одинокие скрипели,
Носила дева воду в кувшине,
Под дикий топот горного ущелья
Чуть золотились косы на волне.

Безумный Демон, нежности покорен,
С мольбою простирал сухую длань,
Мелькал твой плащ, твой серый плащ, Печорин,
И Бэла плакала, как раненая лань.

Все кончилось: мазурки, эполеты,
Застенчивый, в тоске склоненный лик...
Все кончилось: мерцающий ночник
И скучное веселье полусвета.

Чернилами залитый черновик,
Черней тебя была судьба поэта!

Когда восход, как верный мусульманин,
Творил последний, пламенный намаз,
Когда в снегов бестрепетном сияньи
Стоял надменно царственный Кавказ,

И неба отдаленные края
Цвели неумолимо и багряно —
Все кончилось: твоя дымилась рана,
По капле кровь точилася твоя...

ПИКОВАЯ ДАМА

Не разлука ли больно сердечко укусит,
Будет выть, и стонать, и скрипеть без конца:
В эту темную ночь отравилась Маруся,
Умерла, умерла, не дождавшись венца.

Там шарманка поет на щербатой панели,
Там прохожий из пыльного мрака возник,
Николаевской, пышной, тяжелой шинели
На морозе бобровый блестит воротник.

За любовь погибаю, что может быть проще,
Умираю, зеленым огнем сожжена...
На пустом перекрестке фонарные мощи,
На глухом перекрестке гудит тишина.

Ветер мартовский злится и злобно ревнует,
Разбивает за глыбою глыбу, звеня,
А на площади всадник во тьму ледяную
Небывалым галопом пускает коня.

И кончается где-то ночная пирушка,
Подымается белый, назойливый пар,
Из калитки выходят подвыпивший Пушкин
И румяный повеса, Каверин гусар.

В эту ночь роковую убиты три карты,
Три мечты безвозвратно уходят во мрак,
Крепче пунша сердитая ласковость марта
За небритые щеки хватает гуляк.

Плачет Лиза у Зимней канавки, и мнится —
Нету скорби ее и сильней и больней.
Петербургская полночь, как черная птица,
Осторожно и четко кружится над ней.

И седой полумесяц, наивно-печальный,
Успокоить любовников хочет вотще.
Там склоняется в будке унылый квартальный,
Там мелькает прохожий в придворном плаще.

Тень графини и Герман, в ночи бледнолицый,
На зеркальном окне неживого дворца.
Ветер мартовский бьет, и пугая, боится,
На туманном рассвете страшится конца.

До могилы дойдешь ты стезей роковою,
Ты, вкусившая первой отрады едва...
Ветер ладожский спорит с широкой Невою,
И в объятьях смертельных пылает Нева.

Морщины забора белели заметнее,
Сгущалась фонтанов эмалевых тень,
Упруго-живая, семнадцатилетняя,
На скромном кусте распустилась сирень.

Играли, на полдень весенний похожие,
Косые, кошачьи глаза синевой,
Пролетки мелькали, спешили прохожие,
И прыгали мальчики краснокожие
По светлой, резиновой мостовой!

Под обрывом, у самого моря,
Одичалое сердце стучит,
Там играют свидания зорю
На прибрежной заре трубачи.

Снова травы под солнечным грузом,
Остов лодки в рассветном огне,
И в тиши ледяная медуза
На холодной, лучистой волне,

В скалах тинистые занавески
И двустворчатые лепестки,
Воздух пенный, и пряный, и резкий,
Круглый мох, путевые пески, —

На широких равнинах одесских
Разговаривают маяки.

НЕ ЗАБЫТЬ

Ходит странник, ходит убогий,
Костылем железным пыля.
Где ударит костыль двурогий,
Там встают родные поля.

Желтизна плывет из-за леса,
Расступаясь, стынет листва,
Паутины дрогнул подвесок,
Вся в дыму сосны голова.

На лужайках белки рябые
И покой, покой без конца...
Облака несет голубые
На воде высокой Тверца.

И мелькают окна усадьбы,
На свечах цветные шары,
На стекле мушиные свадьбы,
В кисее густой комары.

Не забыть вечерние звуки
Челнока по черным пескам, —
Ты в тревоге тонкие руки
К ледяным подносишь вискам.

Поле полнится сонной дрожью,
Не поднять усталых бровей,
И орловский спит в бездорожье
И во сне поет соловей.

Не забыть... До рассвета, быть может,
Все, что память напрасно тревожит,
Обернется Россией твоей.

Луны голубые, лучики фонарные,
Полумрак на станции облака седей,
И опять навстречу поезда товарные:
Сорок человек и восемь лошадей...

Подмерзает лужи золото сусальное,
Обдувает ветер черноту садов,
И звенят в унылом холоде кандальные
Цепи бесконечные гулких поездов.

В топоте размеренном жалобное ржание,
На рассвете талом хлюпающий снег,
Песня расставания, пьяное дыхание:
Восемь лошадей и сорок человек!..

Огромного дерева жесткая пряжа
И тот холодный и ржавый закат,
И рыхлая женщина, из экипажа
Благословлявшая пыльных солдат...

На площади серой, уныло-безбровой,
На красном вокзале, где свечи коптят,
И в тесном, бездонном ущельи сосновом
Огнем полыхающих грозных Карпат, —

Лихие, надвинутые фуражки,
Винтовки колючая, острая тень,
И ворот ветрам открытой рубашки...
Все те же, все те же, грузно и тяжко
Идущие в сумрак чужих деревень.

Выйдет роща из дымной прогалины,
В клочьях спутанных синих волос,
Будет небо в свинцовых подпалинах,
И следы неглубокие валенок,
И нестрашный, скрипучий мороз,

Темный пар, в одиночестве тающий,
Свет румянца на пухлых щеках,
Тонкий холод ладони пылающей,
И колючий огонь башлыка,

Облака над пустыми стоянками,
С паровозом на мокром пути
И певучей колес перебранкою...
Будет прошлое вновь полустанками
Уноситься в вечернюю тишь.

По столбам, грачами освистанным,
Луч промчался в блеске живом,
Паруса взъерошились чистые,
Русый мальчик на волжской пристани
Воробья поймал рукавом.

Отдыхают воды печальные
Средь точеных берега плит,
И на небе солнце пасхальное
Завитым барашком стоит.

Отгремев ночными веригами,
Утихает ветер, звеня,
И последние капли прыгают
В глубину апрельского дня.

Маленький город, уютный без меры,
Там ли гуляли, девицам на страх,
По вечерам господа офицеры
И юнкера в голубых кителях?

Там ли вороны садились на плетни,
Был ли тот птичий, ликующий сад,
Остров заглохший и дуб многолетний,
Стройных акаций весенний парад,

И торопливой гармошки коленца,
И на закате цветной хоровод,
Длинные, вышитые полотенца,
Дедовский, тяжкий, дубовый комод, —

Все что для взора усталого ново
В радостной, русской своей простоте:
Клей на коре золотисто-вишневый,
Божья коровка на смуглом листе,

Крыши пологие, сонные ставни,
Старая бочка с водой дождевой,
В зарослях буйных днепровские плавни,
Небо, гудящее над головой,

Солнечный серп на туманном востоке,
Полосы вздыбленной, древней земли?..
Видишь, подсолнух уснул на припеке!
Слышишь, колодцев поют журавли!

Остановилось все. Отныне
От листопада до весны
Все радости отменены.
Остались листья в мокрой глине,
Сухие травы, валуны,
Неясный, предрассветный иней
Пустого неба, тонкий жгут
Колючей проволоки, синий,
Подернутый туманом пруд,
Заборов обветшалый веник,
Зеленый, мокрый блеск лесов,
Пугливый шорох, треск олений,
И жалобное сердцебьенье
Твоих серебряных часов.

Припухшие отяжелели веки
И без начала мысль и без конца:
Иссякнет все, как иссякают реки
И на покое пылкие сердца.

Иссякнет май, прозрачный и лиловый,
Сиренью зацветающий легко,
Не задрожит спасительное слово,
Как золотой меж тусклых медяков.

Одна, одна на прошлого погосте,
Скупой слезы во тьме не утаить
О том, как я дарила полной горстью
Несбывшиеся радости свои.

И был тот край суровый неизъезжен,
Где всех путей переплеталась нить,
А вечер мой закидывал в безбрежье
Зеленые сигнальные огни.

Сомкнулся мрак. Не будет ветер хлопать
Ненужной ставней. Снова тишина,
И я рывком, навстречу ей, одна...
Спешу, спешу, чтобы свалиться в пропасть
Из четырехугольника окна.

ЗАЯЦ

Было небо тогда по утрам
И насупленным и низколобым.
Серый заяц ходил по дворам,
По замшелым шатался трущобам.

Ныли зубы, как злая тоска
В обездоленном и седоусом.
Над щекою, растянутой флюсом,
Уголки возвышались платка.

Он, играя, вздыхал. Медяки
В ущербленной томились тарелке.
Дождь стучал надоедливый, мелкий,
Капель бегали пауки.

Он играл, припадая слегка
К черной скрипке, и струны стонали,
И сердитые дворники гнали
Одинокого чудака!..

ШАРМАНКА

В луже потушенной бедный один
В позеленевшем пальто господин,

Сгорбленный, старый, в пенсне и усах,
В луже стена в затененных лесах,

Пес, приблудившийся издалека,
Пеплом обсыпанные облака...

В улице грязный, лоскутный туман,
Окна, окурки, охрипший орган,

В улице, все заслоняя собой,
Крутится медленно шар голубой.

Крутится, вертится, хочет упасть,
Щелкает зонтика черная пасть.

КАВКАЗ

С вершины, во льду онемелой,
На вольной дороги простор
В сияньи Сванетии белой
Спускаются всадники с гор.

К ним тучи спешат отовсюду,
Небесные строят мосты,
Им с черных деревьев Иуды
Кроваво кивают цветы.

Гудят на холме кипарисы,
Их звон беспощаден густой,
На тесных базарах Тифлиса
Поет о возмездьи кинто,

И гневен старик над угрюмой,
Над жалобно-острой зурной,
Бурлит по предместьям Батума
В стаканах победы вино.

Сменяются звезд караулы,
Созвездья дымят на лету,
И только поручик сутулый
Как будто застыл на посту.

Он смотрит в туман до рассвета,
Судьбу заклиная, грустит,
Мерцают его эполеты
На тусклом, кремнистом пути.

Но спят в чистоте неизменной
Казбека литые снега,
И всадники скачут надменно, —
О мести мечта дорога...

И гостя особа священна,
И проклято имя врага!

По зеленой рубахе платана
Дождь скользит, умывающий ствол,
И колышется в свете туманном
Облаков золотистый подол,

И от веток, от черных царапин
Плачет небо, огонь притаив,
И голодного ветра внезапен
На полях бесконечный разлив,

Где щетинисто и угрюмо,
Разрыхляя дороги края,
Бродит пес, и спокойно, без шума,
В сонме листьев шагает, подумай,
Одинокая осень твоя!..

ГУРЗУФ

В саду пылает утро. Ветви гнутся,
Смущенный лист зовет издалека,
Дрожит воды надтреснутое блюдце,
И я стою, не смея прикоснуться
К горячим стрелам сонного цветка.

Я слабости боюсь молочных лилий,
Написанных на выпуклом щите
Знакомых клумб. Я черных сухожилий
Боюсь на белорозовом кусте

В саду густом, где запах нетревожен
Червонных роз, где, далека от бурь,
Звеня, скользит меж кипариса ножен
Высокая и вешняя лазурь.

ОДЕССА

Подымается дым ли, угар ли,
От акаций, что вдруг расцвели,
От пирожных, затянутых марлей,
От весенней, размытой земли...

Все слова, все сердца на примете,
Каждый ходит, предчувствием пьян.
Изнывая в лиловом букете,
Одинокий томится тюльпан.

Улыбается девушка смугло,
И на скулах румянец горит,
И мелькают в движении круглом
Легкомысленные фонари.

За окном, как в малиновой ложе,
Чей-то робкий склоняется стан.
Пушкин жил в этом доме, похожем
На опавший, пустой чемодан.

Вы, весенние сны, унесите
В легких улиц живительный мрак —
Голубеет извозчика ситец
И огнем отливает армяк,

Опускается солнца завеса,
Словно кисти — тумана края...
Ты, родная, смешная Одесса,
Золотая Одесса моя!

БЕССОННИЦА

Утомленных улиц затишье,
И далекий мерный прибой,
И мостов летучие мыши
Над прохладою голубой.

Осязаем воздух янтарный,
И тропинка в небе чиста,
И летят созвездья попарно,
В пустоте меняя места.

Завывает вечер угрюмый:
В целом мире нет ни души...
И опять знакомые шумы,
Перелистывая, глушит —

Голосистых труб разговоры,
И голодный вызов свистка,
И угрозу шумных моторов,
Рассекающих облака.

И во тьме мелькают догадки,
Льется в щели ветра струя,
Плачет дождь на стеклах украдкой,
И бессонница, как закладка
В книге темного бытия.

Ночь за холмы густые уходит
Оледенелым путем стальным.
Солнце кровавое на восходе
Свой зажигает костер войны.

На облаков волнистые топи
Вдруг набегают лучей дымки.
Снова сухие ветки торопит
Ветер с индейской крутой реки.

И на припеке греются плиты,
Бочки глазок смоляной косит,
Сели бобры на камень сердито,
Дуют в седые свои усы.

Тень от крыла, кружась одиноко,
Парусом пленным во тьму плывет.
Средь океанской зыби далекой
Пляшет игрушечный пароход.

Светлый простор, пугающий взоры,
Дикая, терпкая сторона,
Стук ее сердца, гордый и скорый —
Всплески лебедок,
Выстрел мотора,
Огнеупорная тишина.

НА БЕРЕГАХ ГУДЗОНА

Прилетали с зарей разговаривать
И стучались упрямо, пока
Выходила из пыльного зарева
На простор обнаженный река.

В необъятном и светлом узоре я
Различала, как парус вздыхал,
И сверкали в небесной фактории
Облаков золотые меха,

И в прибоя ликующей речи той
Разбегались по грунту живей
Беспокойные голуби в клетчатой
Старомодной одежде своей.

На площадке, пронизанной влагою,
Стало круглое солнце сиять.
Снова шляпу шарманщик протягивал
И подсчитывал сдачу опять.

И слова дребезжали бесстрастные
Под неверной, дрожащей рукой,
И сходили с помоста атласного
На пустынный асфальт городской.

И катились лучи настоящие
Над случайной деревьев листвой,
Но в груди музыкального ящика
Был чахотки огонь гробовой.

Так по глади, туманами устланной,
Ожиданьем последним полна,
На панели, медлительно-грустная,
И звенящая, и захолустная,
Неумело кружилась весна.

ВЕРМОНТ

Дрожала робкая паутина,
И флаг в тени качался кривой,
И наклонялись все георгины
Над прошлогодней, бедной травой,

И в деревянном своем томленьи
Ступеньки знали: время скрипеть...
Когда ж мелькнули в окне тюлени
И одинокий, в клетке, медведь,

И на полуденном перевале
Фургоны вышли из синевы —
Пустые домики закивали,
И занавески умчались ввысь.

Каштан последний стряхивал пепел,
И шелестел покинутый сад,
И в обветшалом великолепьи
Бродячий цирк в дорожных отрепьях
Вступал в малиновый листопад.

НОВАЯ АНГЛИЯ

Там ясень вздымает согбенный
Колючую ветки клюку,
И мхи по темнеющим склонам
Прохладною пеной текут,

И яблонь осенняя радуга
Сквозь сумрак долины видна,
Растет, как над стынущей Ладогой,
Восторженная тишина,

И в час одинокого бденья,
От шелеста оторопев,
Стоят молодые олени
На узкой и старой тропе,

И светят, разбросаны щедро
В разливе созвездий других,
Орешки сибирского кедра
На небе вермонтской тайги.

ЭТА АМЕРИКА

В небе курганы, курганы, курганы,
Горы тяжелого небытия,
А в кукурузных степях Мичигана
Стелется дымом отчизна моя.

Луг удивляется, нем и нескошен,
И колокольчики, нет им числа...
Вот муравей с непосильною ношей,
В сердце шиповника злая пчела.

Тычет теленок шершавую морду
Прямо в кустарник свирепо-густой.
«Эй, подвези-ка», — столетнему форду
Делаю знак на дороге пустой.

Едем равнинами, едем полями,
Перебежал нам дорогу русак,
И куропатка взвилася, как пламя.
Под удивительными парусами
Входим в предместий сухой полумрак,

В город медовый и набожно-чистый
В липовом, голубоватом пуху.
Справа баптисты,
Внизу методисты,
Епископальный собор наверху.

Рельсы, разъезды, висячая будка,
Стены в мерцании маленьких роз,
И тишине подвывающий жутко
Весь в огневых светляках паровоз.

Едем лощинами, едем лесами,
Слышен вдали нарастающий гром,
Бросились тени вдогонку за нами,
Под ослепительными парусами
Тучи лежат как седой бурелом.

В чаше зеленого света сердитого
Дуб отражается полуслепой,
Эти пролеты глазами сосчитывай,
Эти ложбины рессорами пой.

Версты, весну, и ворон, и во тьме реку,
Эту дорогу колесами пей,
Эту Россию и эту Америку
В необозримом разгоне степей.

В СЕНТРАЛ - ПАРКЕ

Слепые проходят по склону,
Их белые палки стучат.
Младенец задумчивый тронул
Во тьме погремушку луча.

И столько нежданных лазеек
В очерченной ветром тени,
И крыльев под крышей музея,
И чьей-то тревожной возни.

В кустах, распустившихся клейко,
Тяжелые капли дрожат,
И шаткую ранит скамейку
Удар боязливый ножа.

Склонились фонтана колосья,
Оса водяная жужжит,
И сон, нападая, уносит...
И ширится, ширится просинь
В уныньи пролетов чужих.

И воротник уснувшего соседа,
И желтый и прозрачный лик воды,
И трехколесного велосипеда
Уютные, широкие следы —

Все хорошо. Минувшее не точит,
В тени домов румян осенний мир,
В листве скребется белка и хлопочет,
Копает землю будущий рабочий,
Жует травинку маленький банкир.

Осторожно пряталась тьма,
Длинный хвост шакал распушил,
И ушли в рассветный туман
Паруса далеких вершин.

Поднял куст сухие рога,
Темный ветер тучи связал,
И потухла в звездных серьгах
Мексиканская бирюза.

Огонек по-волчьи блеснул
И, кружась, исчез в высоте,
Но качался раненый мул
В колеях забытых путей.

И гонимый встречной судьбой
На песков тревожную гладь,
По Долине Смерти опять
Бездорожный ехал ковбой.

ИНДЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

Горы спят в закате орлином,
И река забвенья быстра —
Не нужны твои мокасины
И запястья из серебра,

Медной кровью сверкнувший ножик,
Рукоятки голубизна,
И лоскут из оленьей кожи,
Что твоя сушила жена.

Умирает тополь цветущий,
Не дождавшись светлой поры.
На поляне ветер веснущат,
И упрям, и ширококрыл.

День уходит поступью длинной,
И спешат лучи догорать,
Скучно, скучно в мраке долины...
Горы спят в закате орлином,
И река забвенья быстра.

В МОЛЕЛЬНЕ

Бледный сумрак ресницами соткан,
В грязной меди фитиль изнемог,
И ладони взлетают, как щетки
Над огнем глянцевитых сапог.

Безысходностью согнуты спины,
Виснет в кольцах сухая рука,
Шелестят ледяным нафталином
Полы вытертого сюртука.

Свет бежит, о скамью спотыкаясь,
Тень от лампы устала мелькать...
Наклоняется сморщенный Каин
Над курчавым подростком опять,

И святые опять багровеют
В паутинной одежд бахроме,
Снова чистильщик хриплый с Бродвея
Входит в гимнов текучий размер.

Подгибаются с треском колени,
И страницы шуршат на парче,
И педали гудят о терпеньи,
О смиреньи,
О набожном тленьи
Средь останков последних свечей.

МАЛЬЧИК ИЗ ГАРЛЕМА

Все тише и незаметней
Пролетов были межи,
Он шел один, восьмилетний,
В мерцанье улиц чужих,

Бесстыдным ветром завьюжен,
Одетый в мерзлую гарь...
«Ты — вор», — трезвонили лужи,
«Ты — вор», — гнусавил фонарь.

И снова в вечер вгрызались
Машины в злобной тоске,
И слезы вновь подмерзали
На черной круглой щеке.

Но средь огней и туманов,
В пустынной, брызжущей мгле,
Он шел размашисто-пьяной
Походкою капитана
На трехмачтовом корабле.

ЗА РАДУГОЙ

В окна смотрится тень косматая,
Будто в комнате ни души,
В бледном мареве белка спряталась,
Хвост, как облако, распушив.

Звезды мчатся в страну морозную,
Без дороги и без огней,
Вихрем скачут олени грозные
В опрокинутой вышине

Над скалистой домов пустынею
Чрез фиалковые луга...
Спи, мой маленький, в сахарном инее,
Там, за радугой, есть серосиние,
Ветром выгнутые рога.

Будет день осенний короток,
Как ведущий в зиму уступ.
Средь засохших мазей и щеток
Будет мальчик спать на посту.

Он уснул в моторов беседе,
Чтобы с ветром заголосить,
Он на старом велосипеде
Вдруг умчался в синюю синь.

Пастор скажет: к чему проклятья
Изрыгаете и хулу,
Что случилось такое, братья,
С черным мальчиком на углу?

Он бы мог скончаться в больнице,
Умереть под грузовиком —
Это песня о малой птице,
Невзначай подбитой стрелком,

О луче дрожащем и тонком
На дорожки желтых песках,
Обо всем, что пенно и звонко,
Это песня про негритенка
В роговых огромных очках.

РЫБОЛОВ

Умолкли волны, заревом свинцовым
Плывущие к земле издалека,
И пристально глядит на рыболова
Худой и угловатый пеликан.

Хрустят песчинки на холмах несчетных,
И мидии звенят в сухих венках,
И только невесома и бесплотна
В предельном ожидании рука.

Звездой медуза плещется в улове
И, вспыхивая, гаснет под мостом,
Всклокоченные водорослей брови
Насупились на берегу пустом.

А в вышине гуляет ветер свежий,
И замирает корабельный гром,
На тихоокеанском побережьи
Горит прибой балтийским янтарем.

И реют моря Черного седины
Средь бурею обрушенных громад,
И этот мир, в безмолвии единый,
Одним сияньем вечности объят,

Все небо застилающим и влажным,
Остановившимся в последний час
Сиянием... Но лодочкой бумажной
Летит в пространство огненный баркас.

Он пущен на стремнины океана,
Чтоб затеряться в рокоте валов,
Чтоб раствориться в пене первозданной...

В раздумии глядит на пеликана
Закатом окропленный рыболов.

Осмысленны радость густая,
Балкон, тишина, синева...
Хожу и шагов не считаю,
На волны бросаю слова.

В пустынного моря шипенье,
В изменчивый водоворот.
Неделя семи воскресений,
Высокая, взбитая, в пене,
Серебряной лавой течет!

СЕНА

Хромой каштан, унылый и безлистый,
Смотрелся в золотые струи вод.
(Река текла, она еще течет...)
Коричневые пальцы букиниста
Поглаживали тусклый переплет.

Ревнивая любовь была и жалость
В тех узловатых, знающих руках,
И так нежданно книга раскрывалась
Пред юным покупателем в очках.

Но комнатный, учено-бледнолицый,
Стоял он нем, в пальто своем худом,
И сквозь туман, напитанный корицей,
Текли, текли легчайшие страницы,
Обрызганные мартовским дождем!

ПРОДАВЩИЦА ЦВЕТОВ

Тяжело машины дышали,
Наростала вечера мгла,
Та же девочка в черной шали
Выходила из-за угла.

Был надтреснут и горестно-жалок
Тонкий вздох. Качалась слеза
На ветру, но темней фиалок
И упрямей жили глаза.

Так пугливо она сновала
Среди праздничной тесноты
И, бездомная, продавала
И весной и тленом подвала
Остро пахнущие цветы.

ЛЮКСЕМБУРГСКИЙ САД

Чей-то смех сконфуженно-веселый,
Чьи-то плечи нежные узки.
Тихо на латинские глаголы
Круглые ложатся лепестки,

Медленно, задумчиво, без цели
Падают в полуденной заре.
Спит ребенок в розовом безделье,
И мелькают крыши карусели
В солнечном волшебном фонаре.

ИНВАЛИД

Зеленое небо над нами
Высокой пеной бурлит.
Сердито стучит орденами
Подвыпивший инвалид.

Он курит, старик нелюдимый,
Сливается с трубкой закат,
И в кольцах табачного дыма
Вращается пепельный сад.

Стоит воробей на распутьи,
И голубь ищет еду,
Смеются, толкаются, шутят
Рабочие на ходу.

И блещет в последнем раздольи
И в белых каштанах кипит
То солнце, с которым без боли,
В Париже
На Марсовом поле
Прощается инвалид!

ПАРИЖ

Играет предместьями Сена
И парус уводит на дно,
Заката высокие стены
Багряное прячут вино.

И ловит последнее пламя
Обманная сумерек тишь,
Но так же гудит под мостами
Бездомный и дерзкий Париж:

Тому, кто верен отчизне,
Ты сердце отдашь, и вновь
Из черного камня брызнет
Твоих революций кровь!

Вот мелкие воды в бассейне
Вздымает рассерженный март,
Не в этой ли тусклой кофейне
Играл молодой Бонапарт?

И падали, падали троны,
И шли на восток облака,
Покуда на шахматах сонных
Его застывала рука...

Не здесь ли, у старой башмачной,
Угрюм, беспокоен и сер
Стоял он, худой и невзрачный —
И звали его Робеспьер.

Но так же небес позолоту
Луча пробивало копье,
Когда за спиной санкюлота
Румяное билось тряпье.

Тому, кто верен отчизне,
Ты сердце отдашь, и вновь
Из черного камня брызнет
Твоих революций кровь!

В молчаньи обугленной ночи
Восстанья короткий сигнал.
Знакомый сутулый рабочий
Заходит в проплеванный зал,

И вдруг кулака железо
Упало в стойки трезвон,
И ринулся в Марсельезу
Задымленный грамофон.

В трубе раздавались рыжей
Веселых граждан шаги.
Не может быть, чтоб в Париже
Хозяйничали враги!

Тому, кто верен отчизне,
Ты сердце отдашь, и вновь
Из черного камня брызнет
Твоих революций кровь!

ВАНДЕЯ

Сильными слава владеет,
Гордыми вера стоит,
Это в зеленой Вандее
Деды твердили твои.

Гаснут тяжелые кисти,
Ветер заборы глушит,
Утром винтовку почистишь,
В полночь уйдешь в камыши.

Под сентября разговоры
Чистая веет смола,
Ждут головного убора
Два голубые крыла.

Ветви качаются сонно,
Тучи в лощине лежат,
И полевая Мадонна
Мантией ловит закат.

Яблоки поздние рдеют,
Травы туман шевелит,
Наша земля не скудеет,
И нерушимо стоит

В благословенной печали
Темных осенних лугов
Наша деревня, где ткали
У золотых очагов.

Солнце, раздвигающее стены,
Мутная фонтана глубина,
В мыльной луже, в брызгах белой пены
Солнечная, легкая весна.

На аллее сломанные грабли
И козел в ученой бороде...
Едет-едет лаковый кораблик
По едва зыбящейся воде,

И младенцы важно и спесиво,
Сонные, вздыхают в тишине,
И проходят голуби учтиво
В этой, мне приснившейся, на диво
Вспаханной огнем голубизне!

Подпрыгивали кованые брички,
Поскрипывали двери поутру,
И девочка с испуганной косичкой
Держала цепко старшую сестру,

И в розовом, воскресном освещеньи
Стояла улица, подняв крахмальный стан,
И деревенский, ласковый священник
Приветствовал суровых прихожан,

И были дымкой серой чуть прикрыты
Пронзительные летние лучи.
Шли на базар, спеша, гремя о плиты...
И на ходу стучали деловито
Хозяйские тяжелые ключи.

БРЕТОНСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Остров уходит в море тумана,
Бледное солнце село на мель,
И над водою клич корморана...
Будешь матросом, Ив-Габриель!

Парус по кручам бешено скачет,
Пусто и дико в этой глуши.
В сером поселке дед твой рыбачил,
В смутном закате сети сушил.

Овцы лежат на медленном склоне,
В небе барашки туч далеки.
Как умирал отец твой в Тулоне,
Будут рассказывать старики.

Как трепетала, гневом объята,
В громе железном глаз синева,
Как на смолу тяжелых канатов
Тихо склонилася голова.

В дом свой, поросший мохом и цвелью,
Он не вернется, не суждено,
Не постоит он у колыбели
И на луну не взглянет в окно.

Яблони цвет осыпался ранний,
Флюгеру снятся вещие сны,
Как до конца, за счастье Бретани
Будут ее сражаться сыны.

Это поет прибой неустанно,
Это играет ветра свирель,
И повторяет клич корморана...
Будешь матросом, Ив-Габриель!

ЖАННА Д'АРК

Не было птиц в лазури,
Не было звезд в ночи,
Только деревья в буре
Скрещивали мечи.

Обгорелые колья
Прятала тишина.
Вышли пахари в поле
И сказали: война.

Нет ни зерна, ни корки
Хлеба, ни шелухи,
Бегают по задворкам
Красные петухи.

От совиного смеха
Не укрыться на дне.
Рыцарские доспехи
Плавают при луне.

И поднялася в кликах,
Натянув стремена,
Девственнице великой
Вверенная страна.

И взошли из тумана
Алебарды, узки...
В топоте урагана
Дочь крестьянская Жанна
К славе вела полки.

Уголь трещал в жаровне унылой,
Не заглушая долгих ночей,
Утром безлюдным солнце всходило
Всех обреченных и палачей.

Камни сияли в воздухе шелковом,
Реял покойный, ласковый свет,
Но капельмейстер жадно прищелкивал,
И грохотали трубы в ответ.

И завывая, с пьяными визгами,
Танки шатались в мраке пустом
В городе старом, кровью обрызганном,
Все испытавшем городе том.

И бесконечно, в злобном шипении
Пушки ползли, асфальт накалив.
Только б забыть... В последнем сомнении,
Вижу, восходит солнце весеннее
В освобожденных улиц пыли.

На чугунной скамье серсо
Словно круг волшебный белеет,
И завернутая в песок
Капля прыгает по аллее.

И струя фонтана легка —
Есть, что есть, и будет, что было.
Опрокинул ветер без силы
Задрожавшие облака.

Провода запели тайком,
Замирая в стынущем небе,
И каштан, упрятанный в щебень,
Зашептал немым языком.

И внезапно день оробел,
Тенью лег у самой дороги,
И во тьме исчез воробей,
Остроглазый и быстроногий.

И плюща упала коса,
Расплетаясь с медленным стоном,
И опять вошла утомленно
Тишина в Люксембургский сад,
Где под сенью нимф и тритонов
Голубые спят паруса.

В ногу улица с нами
Вновь шагает, легка.
Жжет суровое знамя
Серый холод древка.

И трещат запоздало
Средь победных гудков
Все траншеи подвалов,
Вышки всех чердаков.

По асфальта заплатам
Ворон клювом стучит,
Мертвые циферблаты
Воскресают в ночи.

И на луже безлунной
Реет луч, трепеща.
Входят в сумрак чугунный
Пелерины плюща.

В распалснные бреши
Рвется ветер живой,
Танки искрами чешут
Седину мостовой.

И багровое пламя
Каплет бешено с крыш,
И пожаром над нами
В небе звездное знамя
Поднимает Париж.

ПАТРИОТУ

Ты разбей тюремные годы,
Дни в крови и ночи в огне.
Ты убей, чтоб ветер свободы
По свободной веял стране,

Чтоб весной хлопотали осы
И клубился яблонный дым,
Чтоб под утро пели колеса
По дорогам светлым твоим.

Зашуршит трава удивленно,
Ты покой ее не буди,
Часовой упадет без стона,
Прижимая ружье к груди.

Позабудь же воздух зеленый
И реки прохладную муть,
Эти всплески оркестриона
У ворот парижских забудь.

Вытрет слезы восток румяный,
Встанет солнце над головой,
Ты уйди во тьму, безымянный,
Чтобы Франции быть живой!

ИРУН

Под мостом облака по канве
Желтосерой воды колыхались.
Дети плакали. Мысли порвались
В обезумевшей голове.

Сам жандарм, надменно-усат
И ленив, меня удостоил
Мутным взглядом. Солнце простое
В одноцветный скрылось закат,

И исчезло запястье гор,
И земля уплыла куда-то,
И о том, что не будет возврата,
Утомленный хрипел мотор.

ИСПАНИЯ

1

Сонного флюгера тусклые взоры,
И облаков уходящих снега,
Красные реки, сердитые горы,
Солью напитанные луга,

И на дорогах побитые плетни,
Лужи мерцающий, блеклый алмаз.
Кровью слезятся у ведьмы столетней
Грозные впадины вытекших глаз,

И на понуром осле горделиво
Едет крестьянин в дырявом плаще.
Небо из туч улыбается криво,
Бурей распаханы черные нивы,
Много есть камня в Господней праще.

2

Как будто продолжается игра,
И каплет кровь из незаметной ранки,
И в сумрачных кварталах Саламанки
Таинственные бродят доктора.

Гитара, повторяя свой рассказ,
Тяжелой дробью ранит кантилену.
Взбивая легкомысленную пену,
Цирюльник прячет солнце в медный таз.

И пахнет мертвым ладаном бульвар,
Забытая слепая балюстрада,
И вечера внезапная прохлада
Несет на крыльях ладана угар.

В тени собора — грешная жена —
Покоится под розовым гранитом,
В углу, дождем и ветром позабытом,
Чудовищная, черная страна!

В ПУСТЫНЕ

В пустыне, в твердокаменном жилище
Он был один. Вечерняя смола
Над ним лилась. Два черные крыла
Ему носили питие и пищу.

Ночная муть была ему ясна,
Он звезд читал мерцающие знаки.
Когда же в тучах зажигала факел
Огромная, кровавая луна,

Он возносился, ветром опален,
В седых волос бушующей короне,
Он к Богу поднимал свои ладони,
И пальцы раздирали небосклон.

ЗАРЕВО СМЕРТИ

Гнали в чужую рощу безлицую,
Гнали в пустой туман, торопя,
Кукла лежала в платьице ситцевом
На обожженной куче тряпья.

Долго шептались ветры унылые
В этой долине глухонемой,
И постояла ночь над могилою
И наложила тучи клеймо.

Ветви согнулись, дрогнула елка ли,
Затрепетала в стонущей тьме,
И не затворы ль синие щелкали
На невысоком, бледном холме,

В тот, осененный сумрачной сыростью
Час, когда звезды небо мостят...
Город на детских трупах не вырастет,
И не взойдет трава на костях,

И не укроет утро бездонное
Самый кровавый, волчий рассвет —
Зарево смерти неотомщенное
В неукротимом залпе побед.

От виноградников косого склона
Лучи бегут ко мне из полутьмы.
Плывут опять, дрожа в окне вагона,
Домами испещренные холмы.

Опять кусты тяжелый ветер клонит,
Чужой петух кричит в который раз.
Стоит старик, прикрыв большой ладонью
Разрез крестьянских, вылинявших глаз.

И на дорогах всякому поется
И ходится по солнцу веселей.
Есть всюду жизнь: в канавах и колодцах,
Скрипящих в трудной памяти моей,

В таинственном и золотом посеве,
В тени цветочных, розовых кудрей...
Оливковые умные деревья
Самой земли и старше и мудрей.

ГОРОДСКАЯ ОСЕНЬ

Будет лаять мотор виноватый
И по-старчески кашлять со сна.
Под червонной дугой циферблата
Ровно в полночь, гуляка завзятый,
Тень пройдет, спотыкаясь, одна.

Пьяный взор за тяжелою дверцей,
Пленных стекол надтреснутый лед,
Уязвленное старое сердце,
Вдруг почуявшее: не придет.

И над площадью, в неба поляне
Будут грустно и долго парить
В розовато-клубничном тумане
Заблудившиеся фонари.

ВЫ ПРИПОМНИТЕ

По ночам смятенье в подвале
При огне безумной свечи.
Тех, кто в шопоте изнывали,
Вы припомните, палачи.

Эту раннюю позолоту
На непрочных листьях осок,
И обильный дождь пулемета,
И прощальный белый песок.

Как их гнали на старую пристань
Из местечка хмурой глуши,
Были камни обрызганы чисто,
Выпрямлялися камыши.

Перед смертью последний роздых,
Три минуты здесь, на мосту.
О, чужие, бледные звезды,
Потухающие на лету.

Этот холод рассвета лютый
И лиловый огонь щеки,
Нет страшнее первой минуты
Одиночества и тоски.

Потекла минута вторая,
Самый страшный водораздел,
Мальчик крикнул: «Слушай, **Израиль!»**
И худые руки воздел.

Но молчало темное небо
И не слышало голосов,
Только грузный немец фельдфебель
Постучал о крышку часов,

Подпял выше палец корявый,
Посвистел и подал сигнал, —
И картуз с головы кудрявой
На сухие доски упал.

Затихали, дрожа, ресницы,
Сердце, сердце — оно не стучит...
Вы припомните, смолкли птицы,
Пес не лаял, скрылись лучи.

Восковые детские лица
Вы припомните, палачи.

ВЕСНА В ЕВРОПЕ

Ты пустым рукавом вечера туши,
Мокрый пепел сдувай со стены,
Над косматыми крышами ратуши
Две кровавые светят луны.

Чья могила снарядами вырыта?
Чья деревня врагом сожжена?
Слышишь, ветки стучатся, как сироты,
В одичалую темень окна.

Годы вечностью ржавой украдены,
Задержало мгновенье полет,
Ворон сгорбленный на перекладине
Над повешенным песню поет.

Над чужими сухими равнинами,
Там, где неба сгорают края,
Над мостов перебитыми спинами,
Над твоими полями минными
Осыпается звезд чешуя.

ДОЧЬ ФАРАОНА

И скатерти крахмальная стена,
И тяжкий вздох в молитвенном напеве,
И десять капель смуглого вина
На память о Господнем страшном гневе.

Подсвечников тяжелых якоря
И бисерные бахромы ресницы,
На темных буквах вечера заря,
На крыше слов глубокий сумрак длится.

Течет во мглу в веселии, в тоске
И плещет полноводная Агада:
Вот буйволов коричневое стадо
На водопое топчется в песке,

И девушка спускается к реке,
Служанки ждут под тихой сенью сада,
И ей навстречу горькою усладой
Глаза младенца светят в тростнике.

СМЕРТЬ ВАРШАВЫ

В мокрых Лазенках, где дерево тлеет,
Стынет зола в погибшей траве,
Птицы когда-то шумели в аллеях,
Пел соловей в глухой синеве.

Ранней зимой, хрустящей и зябкой,
Воздух был ровен, розов и тих.
О, куполов серебряных шапки,
Светлые лики зданий твоих!

О, площадей бездонные лужи,
О, голубых решоток рога!..
Город упал, смертельно контужен
Злобой поверженного врага.

Стены последним огнем истекали,
Кровью горели струпья двора,
Балок иссохшие руки мелькали
В пламени медленного костра.

В муке гортанной и прихоти пестрой
Улиц тревожных, улиц кривых,
Ночь расставалась с булыжником острым,
Звонким булыжником мостовых.

Красный туман над предместьями плавал,
В тусклой воде тонули мосты...
Так на рассвете скончалась Варшава,
Город торжественной нищеты.

В ГЕТТО

По закоулкам гомозились слухи,
Быстрее бомбы говорил наган,
Но с нами был голодный мальчик Нухим,
Веселый и бездомный мальчуган.

На склоне ночи, в тишину рассвета
Не смело солнце выйти из норы,
Тогда, бушуя, потухало гетто,
Сочились мраком скользкие дворы.

И падал дождь, нелегкий и несмелый,
И замер луч... и навсегда... с тех пор.
А он с кирпичной груды обгорелой
Стрелял во тьму безликую в упор.

Он захлебнулся ветра влагой талой,
Он смехом гнал тревожные свистки...
Был огонек, и вот его не стало,
Но все в огне крутые завитки.

Тринадцать лет, мальчишеская удаль,
На барикаде сладко умирать...
Тогда еще казалось — будет чудо,
И чудо совершилося, как знать!

ЧАС ПОБЕДЫ

Закружились знамена, как пьяные,
Засияли в тревожной воде,
Прокатилась волна барабанная
По откосу густых площадей.

В чащу звона гудящего, зычного,
Медный колокол звал и манил,
По скале небоскреба коричневой
В темноту убегали огни.

Тучи шли над гранитными склонами,
Шелестели, качаясь в пути,
И опять полицейского сонного
Орошало дождем конфетти,

И сирены свистели протяжные,
И ревела труба на барже,
И слетали созвездья бумажные
С высоты золотых этажей.

ПЕКИН

Засыхала червонная чечевица,
И салат на блюде медленно чах,
И фазаны склонялись, как очевидцы,
Над широким крабом в красных усах,

И не спал базар, ветрами сожженный,
На прилавке развевались весы,
О земной любви рычал прокаженный,
И гортанным громом вторили псы,

Улыбался нищий всему на свете,
И младенца речь журчала без слов,
И тяжелая стрелка тысячелетья
Отмечала в темном круге часов,

И взглянув на этот мир исподлобья,
В превосходстве совершенном своем
Тень ушла спокойно в полдня подобье,

И слепой песок из пустыни Гоби
Осыпал Пекин обманным дождем.

Камень бурей обглодан,
Выщерблен мавзолей,
Жатву страшного года
Здесь вернули земле.

Узенького шалфея
В травах стынет перо,
Танк уныло ржавеет
У решотки сырой.

И бессмертника слезы
Каплют в чаши венков,
И проходят обозы
Медленных облаков.

Утром в клочьях тумана
Тот же страх за кустом —
Серый холм безымянный,
Светлый гроб деревянный
На погосте пустом.

ЛИССАБОН

1

Чуть прояснился сумрак апельсинный,
И поступь солнца так была легка.
На голове тяжелую корзину
Несла рыбачка. Двигались бока.

Ночные петухи кричали четко,
Пугливо свет по комнате сновал.
Потягивался город и зевал
Под чей-то окрик, хриплый и короткий.

И все стучало, спорило, скрипело,
И в небо подымался первый дым,
И луч играл на крыше загорелой, —

Так просыпался город пенно-белый,
Сбегающий по склонам голубым.

2

У фонарей, у беспокойных лун,
У городской начищенной аллеи
Он продает билеты лотереи,
Ребенок нищей, маленький горбун.

Трусливо-угловат и нелюдим,
В тени стволов он бродит, оглушенный.
Ночных деревьев стройные колонны
Сурово издеваются над ним.

Но на ходу, в туманном сне своем,
Он видит, как восток струится ранний,
Как в горсточку ладони обезьяньей
Монеты звонким сыплются дождем.

НАШИ ДЕТИ

Помните, как из дома,
В диком вое гудков,
Их бросали в солому
Черных грузовиков.

Помните пелеринки
Запушенных берез,
Детской шеи ложбинки,
Пух нежданный волос,

Тряпки, мокрые шали,
Бледный остов мешка, —
Вы на заре видали
Раненого зверька?

Эту куклу упрямо
Руки чьи берегли?
Помните эту яму,
Холмик серой земли,

И мотора мычанье,
И снаряда толчок,
Помните, как в молчаньи
В землю бил кулачок,

Как на ели беспалой
Каркал ворон к беде,
Как земля промолчала
В безысходном стыде.

В МЕСТЕЧКЕ

Ветер кашлял медленно, с хрипом,
Средь пустой, сухой тишины,
И стояли белые липы
На большой дороге войны.

Был свечи фитиль обветшалый
И угара тлеющий дым,
Синагога в землю врастала
Узловатым телом своим.

Восковые окна пугливо
Оплывали в желтой заре,
И цвела тугая крапива
На изрытом тенью дворе.

На базаре пахло помолом,
Пахло хлебом в теплой трубе.
Был в прохладной нише костела
Хлопотливый шум голубей.

Старики ходили молиться,
Чтоб судьбу скрепить навсегда.
Нищим снились только столицы
И гудящие города.

Тонкой пылью утро блестело,
Открывались луж огоньки.
И пришло, свинцом налетело,
Тучи подняло на штыки,

Раскидало черные кипы,
Разметало камни стены...
И в бреду, с отчаянья хрипом,
Вдруг упали белые липы
На дорогу большой войны.

Усталые слабели руки,
И дни старели на лету,
Но падали сквозь чад разлуки,
Как слезы, искры в темноту.

Унылый дождь в безмолвье капал.
Я знала, ночь в окно стучит.
С большой широкополой шляпы
Стекали пенные лучи.

Под утро иней слал обманы
Тому, кого пленяет лед,
Кто на груди, остывшей рано,
Родную землю бережет.

Кто не забыл во тьме поселок,
Полозья ровные в снегу,
И тот бутылочный осколок
На черноморском берегу,

Весенних парков шелест чинный,
Скамейки, урны и мостки,
И запах буйного жасмина, —
В высокомерии чужбины
На перекрестках городских.

Путь окончен там, где был начат,
Не свернуть и не повторить:
Городская сырость собачья,
На слепом окне фонари.

Я, как ты, прохожий, бездомна
На асфальта серых лугах.
Над рекламой головоломной
Электрические снега.

И ни звезд, ни лунного диска,
В вышине пустой ничего
Не осталось. Небо так низко,
Я могу потрогать его —

Пахнет горем и незадачей,
Мокрым светом сердце мутит...
Путь окончен там, где был начат.
Путь окончен, и нет пути.

СОДЕРЖАНИЕ

Склад издания:
ДОМ КНИГИ
9, rue de l'Éperon,
P A R I S